

Тридцатишестилетний актер МХАТа им. Чехова Сергей Колтаков, на первый взгляд, может быть доволен своей судьбой. Роль Треплева в «Чайке», Львова в «Иванове», Аладина в «Перламутровой Зинаиде», съемки в фильмах: «Соучастники», «Янки при дворе короля Артура», «Зеркало для героя», «Двое на остове слез», «Жизнь Клима Самгина». Одна из последних работ — Бень Крик в «Искусстве жить в Одессе» — хороший послужной список. Однако остающаяся за кадром личная жизнь добавляет другие тона. Колтаков живет один, с администрацией театра отношения у него сложные. Сейчас

В какой-то момент понял: не люблю артистов. И до сих пор пытаюсь сформулировать ответ на вопрос — почему? Почему не люблю ту «банду», к которой сам принадлежу? Во МХАТе происходит то же, что и в стране, — развал. Но все как-то безро-

себе. Уходишь из театра и хочется вернуться обратно, теряешь семью и пытаешься опять ее создать. Правда, я не пытаюсь. Семья — это такое интимное, где нельзя говорить в полный голос, где жертвуешь частью своей свободы, попадаешь в какие-то размалывающие тебя жернова. Для меня почему-то она стала восприниматься как собирательный образ разных нарицательных выражений типа: «муж и жена — одна сатана», «семья — ячейка общества»... Кстати, последняя цитата принадлежит кому-то из недавно воспевавшихся основоположников. Не люблю пользоваться подобными фразами. Но суть верна: семья действительно то малое, из чего творится большое, из чего лепится госу-

НЕ ЛЮБЛЮ ТУ «БАНДУ», К КОТОРОЙ САМ ПРИНАДЛЕЖУ

лишился даже постоянного оклада, получая только гонорары за разовые выступления в спектаклях.

— Я понимаю, почему так происходит, — рассказывает Сергей. — Это не первый мой театр. За двенадцать лет работы пришлось поменять много трупп. Принято считать, что у меня плохой характер. Но, думаю, плох он только тем, что я — настоящий, а не лицедей: все ложное меня раздражает. Не люблю полупрофессионалов. Когда попадаю в их среду, естественно, начинаю конфликтовать. Еще в 80-м, оказавшись в театре имени Гоголя, обнаружил, что он напоминает известный гоголевский персонаж. Пришлось уйти. В театре имени Станиславского я вообще столкнулся с мафией «жлобоносов» во главе с директором, чьи мысли работали только в направлении, как бы взять все, что можно унести. Дух администрации насаждался при этом всем актерам, и иначе как в состоянии лизоблюдства существовать было невозможно. От театра имени Маяковского остались в принципе неплохие воспоминания. Но почему-то и там стало душно. Сейчас МХАТ...

потно воспринимают сие. Актеры идут в театр с чувством печали, а часть коллектива (в основном руководство) укатило на гастроли в Колумбию и Венесуэлу. Директор театра там выходит в массовке — не смешно ли? А у нас столько буквально нищих актеров, для которых такая поездка могла бы стать средством чуть-чуть заработать. Но руководству не нужны актеры. В любой момент любому могут сказать: пошел вон. Мне это практически сказали.

Одиночество... Слава Богу, не дошел еще до состояния, когда об одиночестве хочется возопить всему миру. Но был момент полного опустошения — когда умерла мать. Отношение к отцу у меня было совсем иное. После смерти матери образовался какой-то вакуум — я не знал, к кому обратиться, куда идти. А вообще какая-то перманентная червоточина одиночества во мне существует. Порой, как всякий творческий человек, я сам стремлюсь к такому состоянию, но когда на горизонте замаячит его одинокий призрак, мне хочется бежать от него. Жизнь — все-таки весы, и мы только взвешенные частички этого мира. И бежать некуда — от себя все равно только к

дарство. А государство у нас, сами видите, какое. Правда, иногда кажется, что потребность в семье вернется.

Холодно и одиноко от другого. От того, что, оглядываясь и вспоминая все снятое и сыгранное, понимаешь: побед-то не было. И не по моей вине, а оттого, что искусство наше все время стояло на какой-то несуществующей третьей ноге. То давила идеология, то «идейность», то еще что-то. Мне холодно и смешно от того, что происходит сейчас — перезахоронение праха наших талантов, умерших за границы, приглашение и чествование «бывших». Для чего все это? Зачем эта глупая комедия? Холодно от всего фона нашей сегодняшней жизни, от борьбы за выживание, в которой не нужны ни музыканты, ни артисты.

Актер — смешная профессия. Одиночество при всех. Согласитесь, любопытно..

Р. С. Какая горькая исповедь актера Колтакова. С ним можно соглашаться и не соглашаться. Можно, наверное, спорить. И наверное нужно...

Михаил МАРГОЛИС.